

УДК 81-114.2

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИКИ КАК НАУКИ

© 2010 г.

М.А. Грачев

Нижегородский государственный лингвистический университет

vestnik@unn.ru

Поступила в редакцию 29.04.2010

В науке о языке появляется новое направление – лингвокриминалистика, изучающая социолингвистические аспекты криминальной субкультуры. Практическое применение этого раздела лингвистики – проведение лингвистических экспертиз.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, оскорбление, негативная информация.

Термин *лингвокриминалистика* имеет три значения: 1) раздел науки о языке, изучающий текст для юридических целей; 2) раздел языковедческой науки, обучающий составлению судебных лингвистических экспертиз; 3) раздел науки о языке, изучающий социолингвистические аспекты криминальной субкультуры.

Некоторые учёные (например, Е.И. Галяшина, Н.Д. Голев) используют термин *юрислингвистика*, понимая под ним первые два значения термина *лингвокриминалистика*. Однако, на наш взгляд, понятие *лингвокриминалистика* включает в себя также анализ элементов *субкультуры криминального мира*: арго, тарабарский и условный язык, клички, татуировки, тайные жесты и мимика, пословицы и поговорки. Лингвокриминалист может использовать знания языковых элементов субкультуры для практических целей: идентификации личности, оперативно-розыскных мероприятий, в проведении судебной экспертизы и проч.

Существует мнение, что основная задача лингвокриминалистики – исключительно судебные лингвистические экспертизы или идентификация личности по её лингвистическим особенностям. Но было бы ошибочно полагать, что круг данных экспертиз этим и ограничивается. Практически все спорные вопросы, связанные с языком, могут быть предметом лингвиста-эксперта. Лингвокриминалистика как раздел науки о языке в широком смысле преследует цель изучения текста, в узком понимании – составление лингвистических экспертиз.

Несомненно, обучение проведению судебных лингвистических экспертиз занимает основную часть при подготовке специалиста-лингвокриминалиста. Но, думается, основы знаний по лингвокриминалистике должны

иметь и практические работники правоохранительных органов. Так, исследователь О.Н. Кравчук справедливо считает, что «значительная часть материалов, направляемых для производства фоноскопических экспертиз в ЭКУ ГУВД Нижегородской области, не пригодны для идентификации человека по голосу и устной речи ввиду низкого качества записи». Она считает, что в этом повинна не только слабая техническая оснащённость ОВД, но и неподготовленность сотрудников правоохранительных органов [6: 16].

На практическое использование лингвистических данных указывает исследователь Е.И. Галяшина. «Специальные познания в лингвистических дисциплинах, – подчёркивает она, – способствуют извлечению из речевого сообщения разнообразных фактологических и личностных данных участников переговоров и другой криминалистически значимой информации» [3: 17].

Перед лингвистом-экспертом стоит много нерешённых вопросов. Так, наиболее распространённые судебные лингвистические экспертизы связаны с оскорблением и негативной информацией.

В судебных делах об оскорблении самым главным является перечень и характер оскорбительных слов. Какие лексемы входят в их состав, в каких случаях они могут быть оскорбительными, а в каких – нет, как относиться к жаргонно-арготическим словам-инвективам с точки зрения определённых социальных групп – вот вопросы, на которые должен ответить лингвокриминалист. В книгах «Цена слова» и «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах» уже сделана попытка клас-

сификации оскорбительных слов, но она нуждается в расширении и уточнении. Как показывает практика работы с правоохранительными органами, последние крайне нуждаются в методических рекомендациях по определению вербального оскорбления, защите чести и достоинства. Некоторые исследователи-лингвисты предлагают составить словарь, где «должна быть разработана новая система лексикографических помет (к примеру, *оскорбительное, неприличное, негативно-оценочное* и пр.), отражающая градацию инвективности» [8: 54]. Несомненно, такой словарь можно и нужно составить. Но тут же возникнет вопрос о реализации данных лексем в контексте и речевой ситуации. Трудность заключается в приведении к каждой инвективе большого количества примеров, т.е. необходимы конкретные иллюстрации, где в одном случае слово может быть оскорблением, а где может выступить в другой функции. Однако эта преграда преодолима: следует использовать наиболее распространённые речевые ситуации.

Исследователь В.И. Жельвис акцентирует внимание на проблеме «бранного веса слов», «так как понятие оскорбительности ориентировано на слушающего», т.е. в социальных группах одинаковые слова могут восприниматься по-разному [4: 293]. Несомненно, в этом случае нужно учитывать и субкультуру, и мораль определённых социумов. В то же время мы должны руководствоваться нормами литературного языка. Например, если уголовник назвал другого уголовника *помойкой* или *иваброй*, – это будет оскорблением и в законопослушном обществе. Но в преступном мире эти слова являются очень сильными инвективами, т.е. говорящий, произносящий их, ставит оппонента на низшую ступень криминальной лестницы, нанося ему при этом страшное оскорбление. Этот факт должен принимать во внимание лингвокриминалист и пояснять при необходимости следователю мотив преступления, однако, если дело касается оскорбления, он обязан учитывать, что общество живёт по правилам законопослушных граждан, а не по законам криминальных групп. Поэтому, на наш взгляд, можно игнорировать утверждения истца о «смертельном оскорблении». В то же время известно, что ряд арготизмов перешёл в общенародный язык (см. примеры: *лох, козёл, шестёрка* и проч.), сохранив при этом ярко выраженную негативную коннотацию. В этом случае мы должны учитывать, как воспринимает эти слова законопослушное население. Действительно, в современном общенародном языке данные лексем имеют пейоративную окраску.

Трудность может возникнуть при определении характера вербального оскорбления, которое связано с восприятием и неумышленным употреблением арготизмов. К примеру, законопослушный гражданин назвал профессионального уголовника *голубком* (от *голубой* – гомосексуалист), *акробатом* – пассивным гомосексуалистом, *парафином* – человеком, стоящим на низшей ступени криминальной лестницы, *опарафиненным*. В уголовной среде данные лексем считаются явными оскорблениями, а в законопослушной они будут либо непонятными в определённом контексте, либо восприняты как общенародные.

Думается, что при написании ряда лингвистических экспертиз следует использовать исторический аспект. Например, исследователи-эксперты при анализе оскорбительных слов часто игнорируют диахронию, однако известно, что уже до революции у юристов было понятие оскорбительных слов, например, профессионал-инвектив, интеллект-инвектив, социоморальных инвектив, каламбур-инвектив, полит-инвектив, сакрал-инвективы. (Заметим, что термин *инвектива* войдёт в речевой оборот лингвистов и юристов гораздо позже).

При судебных лингвистических экспертизах иногда приходится решать вопросы, связанные с неправильной формулировкой в законодательстве. Так, в законе РФ «О рекламе» в статье 7. «Недостоверная реклама» имеется следующая информация: «Недостоверной является реклама, в которой присутствуют не соответствующие действительности сведения, в отношении: <...> использования терминов в превосходной степени, в том числе путём употребления *«самый», «только», «лучший», «абсолютный», «единственный»* и тому подобных, если их невозможно подтвердить документально». Но ведь они терминами не являются. И тем не менее эксперт-лингвист нашёл выход из этой непростой ситуации, использовав следующий текст: «Выражение «термины в превосходной степени», употреблённые в законе РФ «О рекламе» (см. выше текст статьи 7. Недостоверная реклама) следует интерпретировать как слова, использованные в рекламе и имеющие общее значение «исключительности, превосходности, безусловности». Доказательством этого служат значения лексем, использованные в качестве иллюстрации в данном законе.

Главным объектом исследования лингвокриминалиста является *текст*. Под ним обычно понимается «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и

цельность» [7: 507]. Как видно из определения, текстом можно считать и иллюстрации, и различного рода дорожные знаки, и условные знаки моряков и проч. То есть любую информацию, имеющую систему. Любой текст (а значит, и любая информация) появляются и существуют в определённом социально-культурном пространстве. Именно оно порождает информацию и определяет механизмы её интерпретации. Заметим, что параметр времени для них является ключевым.

Далеко не последнюю роль в лингвистической экспертизе играет *антураж* (франц. *entourage*) – среда, обстановка или окружение, обычно как объект изображения, декорация и т.п. К сожалению, у нас мало исследований по антуражу статей, брошюр или книг. А его анализ обязателен для эксперта-лингвиста. Конечно, в большинстве своём он является дополнительным средством в лингвистической экспертизе, но иногда может сыграть и решающую роль.

Одной из задач лингвокриминалистики является: ознакомление сотрудников судебно-правовой системы с методами и приёмами толкования текстов, их интерпретацией, а также объяснение употребления языкового знака, установление авторства текста, выявление плагиата и др. Юрист должен иметь понятие об основных лингвистических процессах, о которых может вестись речь в судебных экспертизах: тавтологии, плеоназме, метафоре, метонимии, лексическом значении, эвфемизме, типах речевых ошибок и т.д. Он должен хорошо знать те лингвистические термины, которые непосредственно касаются судебной лингвистической экспертизы и суда: *неприличная форма; негативная информация; обценная лексика; инвективная лексика* и др.

В настоящее время становятся действенными комплексные экспертизы, в которых принимают участие специалисты разных областей знаний. Особая роль в них должна отводиться лингвисту-эксперту. Так, при назначении сложной судебно-экономической экспертизы не обойтись без специальных языковых знаний, которые помогут установить личность писавшего документы, идентифицировать текст и проч. Между тем лингвистические вопросы в судебно-экономических экспертизах почти не рассматриваются (см., например, [2: 46]), и возможная помощь языковедов ещё остаётся невостребованной. Порой комплексные экспертизы, в которых должен участвовать лингвокриминалист, называют «нетрадиционными судебно-психологическими» [1:51].

Все судебные экспертизы криминалисты обычно делят на двенадцать классов: 1) крими-

налистические; 2) медицинские и психофизиологические; 3) инженерно-технические; 4) инженерно-транспортные; 5) инженерно-технологические; 6) экономические; 7) биологические; 8) почвоведческие; 9) сельскохозяйственные; 10) пищевых продуктов; 11) экологические; 12) искусствоведческие.

Как видим, лингвистическая экспертиза в криминалистике не выделяется в особую отрасль. Она входит в первый класс экспертиз – криминалистических, который включает в себя три вида: А – традиционные криминалистические, формирование которых относится в основном к периоду возникновения и становления судебных экспертиз; Б – экспертизы, формировавшиеся в последние десятилетия XX века; В – различные виды исследований материалов, веществ, изделий, выделяемые в самостоятельный род, также именуемые материаловедческими. К группе экспертиз А относятся: автороведческая; баллистическая; почерковедческая, портретная, технико-криминалистическая экспертиза документов; трассологическая; холодного оружия [5: 54–59]. Как видим, в характеристике нет даже упоминания о лингвистической экспертизе. Автороведческая экспертиза юристами рассматривается лишь как один из разрядов криминалистической экспертизы. Данное «неравноправие» должно измениться, и не исключено, что лингвистическая экспертиза сможет выделиться в самостоятельную отрасль, так как в её понятие входят все экспертизы, связанные с текстом. При этом она должна объединять все экспертизы, так или иначе связанные с языком: автороведческую, почерковедческую, документационную, экспертизы, связанные с понятием чести и достоинства, об оскорблении и проч. Нам кажется, что сюда же можно привлечь и проверенные знания графологии.

Лингвокриминалистика как наука только оформляется, но, как показывает практика, её востребованность в настоящее время огромна.

Список литературы

1. Аврамцев В.В. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: традиционные подходы и нетрадиционные аспекты: Учебное пособие. Н. Новгород, 2004.
2. Ванаев С.Ю., Голубятников С.Л., Леханова Е.С., Тимченко В.А., Чих Н.В. Документальные проверки и судебно-экономические экспертизы по делам о налоговых преступлениях: Практическое пособие. Н. Новгород, 1999.
3. Лингвистическая экспертиза устной и письменной речи как источник судебных доказательств // Право и лингвистика: М-лы междунар. научно-практ. конф.: В 2-х ч. Симферополь, 2003. Ч. 2. С. 15–22.

4. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2004.
5. Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза: Учебник. М., 2002.
6. Кравчук О.Н. Научные основы работы со звуковыми следами преступной деятельности: Автореф. дисс. ... канд. филол. н. Н. Новгород, 2002.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Яревой. М., 1990.
8. Матвеева О.Н. Юрислингвистическое экспертное исследование: перспективы и пути совершенствования // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: М-лы межрегион. научно-практ. семинара. Часть 1 / Под ред. М.В. Горбаневского. М., 2002. С. 51–55.

THE PROBLEMS OF FORMATION OF LINGUOCRIMINALISTICS AS A SCIENCE

М.А. Grachev

Linguocriminalistics, the new branch emerging in linguistics, studies sociolinguistic aspects of the criminal subculture. Practical application of this branch of linguistics is focused on linguistic expertise.

Keywords: linguistic expertise, insulting, negative information.